

смертную казнь, какую только можно выдумать. К обвинению, вероятно, подала повод какая-нибудь нелепая клевета, и хотя ему не верили, но так как нужны были обвинения для комедии суда, то поспешили сказать: давай и его сюда и, чем страшнее, тем лучше. Что касается до речей Максима и Саввы: ведет великий князь войну против Казани и пр., то очень могли они говорить что-нибудь в том роде, что великий князь может поссориться этой войной с султаном и что ссора с последним есть нечто не совсем приятное; но и тут не невозможно, что Максиму с Саввой усвоены были речи, которые говорили не они».¹

Второе обвинение, касающееся того, что Максим и Савва знали про замыслы и похвальбу турецкого посла Скиндера, который похвалялся поднять султана прогив государя, и Максим, зная про это, не донес великому князю и его боярам, Голубинский разъясняет так: «Турецкий посол или точнее посланец Скиндер, родом грек (князь Мангупский), несколько раз приезжавший в Москву при Василии Ивановиче не столько для переговоров государственных, сколько для закупок султану русских товаров (мехов), и между прочим находившийся в Москве перед временем опалы Максима, вел себя у нас нехорошо и, может быть, действительно хвалился поссорить султана с великим князем. Знал или не знал Максим что-нибудь про похвальбы Скиндера, если они имели место, мы не можем сказать; но не подлежит сомнению, что великий князь обстоятельно знал обо всем поведении Скиндера помимо Максима. Следовательно ему вменялось в вину только то, что он с своей стороны не сделал доноса».²

Остальные два обвинения относились к разговорам Максима Грека. Максим говорил многим людям: «быть на русской земле турецкому султану, потому, что султан не любит сродников цареградских царей, а князь великий Василий внук Фомы Аморейского». — «Грек и горячий греческий патриот будто бы говорил подобное, становясь на турецкую точку зрения», замечает Голубинский и выдвигает предположение: «Может быть, что по поводу усиленных стараний великого князя Василия Ивановича завязать тесный союз с султанами Максим высказывался совсем в противном смысле, а именно, — что напрасно великий князь сейчас указанное делает, что между ним, как родственником прежних константинопольских императоров, имеющих право на их наследие, и между султаном не может быть искренней дружбы».³

¹ Е. Голубинский. История русской церкви, II, 1, стр. 715, 716.

² Ibid., стр. 716.

³ Ibid., стр. 716.